

Н.В. Столбова

Пермский государственный технический университет

МЕЖДУ ОДИНОЧЕСТВОМ И ДИАЛОГОМ (ФРИДРИХ НИЦШЕ И ЛЕОНГАРД ФРАНК)

Милитаризация, ускоренная модернизация, завершение промышленного переворота и бурный экономический рост, урбанизация и изменение в социальной структуре, мощное, хорошо организованное социалистическое движение, формирование массовой культуры, волна феминизма – все это характерно для Германии на рубеже XIX–XX вв. В условиях ломки старого пласта духовности актуализировалась проблема обретения человеком своей самости и существования в самости. Данная проблема рассматривается на базе идей Ф. Ницше и Л. Франка.

Чисто исторически рубеж XIX–XX вв. в Германии – это время между двумя переломными моментами: 1871 г. – годом завершения объединения страны под эгидой Пруссии, и 1914 г. – началом Первой мировой войны. Милитаризация, ускоренная модернизация, завершение промышленного переворота и бурный экономический рост, урбанизация и изменение в социальной структуре, мощное, хорошо организованное социалистическое движение, формирование массовой культуры, волна феминизма – страна изменялась прямо на глазах. И в условиях ломки старого пласта духовности актуализировалась проблема обретения человеком своей самости и существования в самости. Если, например, для Платона формирование личности идет в диалоге с учителем, с государством, в ходе которого высвечивается идея, то в ходе диалога в кризисный период высвечиваемое не имеет статуса общезначимости или ускользает во времени. И в этих условиях звучат слова Ницше: «Человек есть нечто, что должно превзойти!». То, что никогда до этого времени проблемой не являлось, а, наоборот, было предназначением человека, становится невыносимой трудностью в силу того, что метафизика субъективности разваливается в связи с невозможностью телеологии. Но при этом желание человека существовать лично, самосовершенствоваться остается его психологической потребностью.

Мы рассмотрим, каким образом раскрывается указанная проблема у философа Фридриха Ницше в работе «Так говорил Заратустра» (1883–1885) и у писателя Леонгарда Франка в «Шайке разбойников» (1913). Во многих учебных пособиях немецкая художественная литература рассматриваемого периода интерпретируется как ницшеанская, поэтому якобы бессмысленно сравнивать подходы Ницше и писателей того времени, так как схожесть их изначально очевидна. Но такой подход является поверхностным – ведь гово-

речь о том, что автор поднимает вопросы, которые ставились в философии этого времени, находясь лишь под влиянием этой философии, – это то же самое, что утверждать, будто мы можем пользоваться зубной щеткой только потому, что конкретный человек ее когда-то изобрел. И в том, и в другом случае имелись необходимые условия, делающие возможным как изобретение, так и постановку проблемы. Таким образом, Ф. Ницше и Л. Франка объединяет, прежде всего, та историческая ситуация, в которой они жили, и те проблемы, с которыми они сталкивались. Также в критической литературе образ Михаэля Фирканта – главного героя романа Франка «Шайка разбойников» – считается автобиографичным. А критики Ф. Ницше (в частности, К.А. Свасьян и С.П. Знаменский) настаивают на автобиографичности работы Ф. Ницше¹. Таким образом, сравнение того, как указанные авторы переживали и выстраивали путь обретения самости и личностного существования в кризисный период в своих произведениях, актуально и может быть рассмотрено.

Начнем анализ с работы Ф. Ницше. Для этого обратимся к речи Заратустры «О трех превращениях», которая начинается фразой: «Три превращения духа называю я вам: как дух становится верблюдом, львом верблюд и, наконец, ребенком становится лев»². Эта речь трактуется в критической литературе антропологически, т.е. как описание Фридрихом Ницше личностного становления человека. Первую стадию сравнивает философ с превращением в верблюда, показывая, что этот путь – тяжелая ноша: «Все самое трудное берет на себя выносливый дух: подобно навьюченному верблюду, который спешит в пустыню, спешит он в свою пустыню»³. Для обретения своей самости необходимо уйти в одиночество, «в свою пустыню». С.П. Знаменский, анализируя также эти 3 превращения, говорит о том, что стадия «верблюда» – это своего рода подготовительный этап к становлению высшего человека: «состояние верблюда, навьюченного всяческими “ты должен”, состояние рабства под игом “добрых нравов” современного общества, которые, как тяжелая ноша, давят человека»⁴, – пишет он. И личностное развитие, по его мнению, начинается только с момента превращения верблюда в льва, т.е. со сбрасывания с себя тяжести старых ценностей, господствующих в обществе. В этой трактовке фактически 3 состояния самовозвышения можно свести к двум. Данный подход не совсем корректен, опровергается при внимательном прочтении текста: изначально Ницше пишет о том, «как дух становится верблюдом»⁵, причем, не просто дух, а только «который способен к глубоко-

¹ Знаменский С.П. «Сверхчеловек» Ницше// Ницше: pro et contra. СПб., 2001. С. 904; Свасьян К.А. Фридрих Ницше: мученик познания // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М., 1997.

² Ницше Ф. Так говорил Заратустра. // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М., 1997. С. 18.

³ Там же.

⁴ Знаменский С.П. Указ.соч. С. 914.

⁵ Ницше Ф. Указ. соч. С. 18.

му почитанию: ко всему тяжелому и самому трудному стремится сила его»⁶. Иначе говоря, «верблюд» – это уже этап достигнутый, а не данный.

Интересно другое. Во всех работах Ницше прослеживается устойчивая негативная оценка общества и его влияния на человека. В этом свете «уход в свою пустыню» – это уход от неподлинного существования к существованию подлинному. Хотя с другой стороны присутствует и желание диалога, который трактуется как просвещение: «Я хотел бы одарять и наделять...»,⁷ – говорит Заратустра. Диалог здесь лишается значения диалектического поиска истины, обретение своей самости возможно лишь в обращении к себе. И такая интерпретация для Ницше вполне адекватна, так как упирается в его представления об онтологическом статусе истины и о роли субъекта. М. Хайдеггер в работе «Европейский нигилизм» подробно анализирует концепцию «философа жизни» также и в этом аспекте. Признав тождественность понимания субъекта как человеческого Я Ницше и Декартом, Хайдеггер разворачивает и специфику этого понимания по четырем пунктам. Уточним некоторые из анализируемых различий в связи с нашей проблемой:

1) если субъект Декарта является представляющим Я, так как постигающим своим мышлением мир, который может быть мышлением постигнут; то у Ницше субъект представлен как тело в своих порывах и аффектах и одновременно как центр власти;

2) истина для Декарта является достоверностью, это «надежная представленность представленного внутри представляющего себя представления»⁸, то для Ницше «истина равнозначна принятию за истинное»⁹.

Для Декарта мир выстроен возможным для схватывания в мышлении субъекта, действующего согласно правильному методу, гарантом возможности схватывания является Бог, а правильность метода отследить может сам субъект¹⁰. Ницше же не акцентирует внимание на возможности представленности мира, его больше интересует утверждение воли к власти, и центром этой власти является субъект, который, фиксируя становящееся как истинное, закрепляется в этой фиксации и тем самым возвышает свою власть. И этот процесс есть потребность живого, т.е. субъект как тело выстраивает свои порывы и аффекты для утверждения воли к власти и тем самым существует лично и в гармонии с самим собой.

⁶ Ницше Ф. Указ. соч. С. 18.

⁷ Там же. С. 6.

⁸ Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Ницше и пустота. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. С. 234.

⁹ Там же.

¹⁰ См., напр.: Декарт Р. Рассуждения о методе. Метафизические размышления // Декарт Р. Избранные произведения. Луцк: Вежа, 1998.

В обоих случаях диалог с обществом избыточен: субъект Декарта «говорит» с миром и Богом; субъект же у Ницше погружается в себя для последующего утверждения воли к власти.

Таким образом, Фридрих Ницше продолжает Декарта, заменяя при этом телеологию субъекта археологией. В свою очередь археология субъекта не нуждается в диалоге. Диалог с этих позиций – только просвещение погрязшего в неподлинном существовании общества.

Итак, сильный дух направляется в «свою пустыню» для самоуверения, где происходит второе превращение – «львом становится дух, свободу хочет он себе добыть и господином быть в своей собственной пустыне»¹¹. На этом этапе «ты должен», навязываемое обществом на основе чуждых субъекту идей или/и утративших свое значение, сменяется «я хочу» как подлинным проявлением субъекта, необходимым для осознания воли к власти: «...создать себе свободу для нового созидания – это может сила льва»¹². И для созидания нового как утверждения воли к власти необходимо третье и завершающее превращение духа – он должен стать ребенком, так как «дитя есть невинность и забвение, новое начинание, игра, самокатящееся колесо, начальное движение, святое слово утверждения»¹³.

Также стоит обратить внимание на тот факт, что личностное становление как археология субъекта ввне диалога Ницше оценивает позитивно. Начало «Заратустры» звучит так: «Когда Заратустре исполнилось тридцать лет, покинул он свою родину и озеро своей родины и пошел в горы»¹⁴. О причинах, побудивших сделать такой выбор, не говорится – философ считает, что это естественно для живого, Заратустра не может выбрать ничего, кроме этого. Для Ницше археология субъекта естественна.

По мнению же А. Данто, одного из исследователей философии Ницше, «идеал *Ubergensch* (сверхчеловека) не может быть достигнут или реализован автоматически, в ходе естественного развития событий»¹⁵. Такого рода личностное становление и ницшеанский статус диалога как просвещения общества является преходящим, актуализированным на определенном этапе развития, а именно в кризисный период, когда идеи как смысловые структуры, функционирующие в культуре, утрачивают общезначимость. Археология субъекта с этих позиций является и чем-то вынужденным, а не только естественным, как это полагает Ф. Ницше. Отсюда такой вариант личностного становления может быть оценен и негативно. Что отчасти и реализует Леонгард Франк в своем произведении «Шайка разбойников», показывая всю трагич-

¹¹ Ницше Ф. Указ. соч. С.18.

¹² Там же. С. 19.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 6.

¹⁵ Данто А. Ницше как философ. М.: Идея-пресс; Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 241.

ность переживания ребенка-подростка-взрослого Михаэля Фирканта на пути обретения им собственной самости.

«Размышляю над тем, почему один цветок опадает с дерева, так и не превратившись в плод, а другой, рядом с ним, вызревает без помех... Над этим я размышляю непрестанно»¹⁶, – пишет Леонгард Франк. Этот вопрос пронизывает все произведение автора. Сюжет романа Л. Франка закручивается вокруг детей, вдохновленных приключенческими историями, написанными популярным в начале XX в. автором Карлом Маем. Мальчишки, играя в разбойников, мечтают сбежать из ненавистного им города Вюрцбурга, жизнь в котором представляется автором как неподлинное существование. Во второй же части романа из множества героев выделяется Михаэль Фиркант, по прозвищу Олдшеттерхенд, который решил покинуть «ненавистный город» для того, чтобы «стать кем-то». Этот персонаж является в рассматриваемом произведении центральным. Впервые в романе Олдшеттерхенд предстает перед читателем маленьким хрупким мальчиком, заикой, учеником в мастерской «тирана Тритта»¹⁷ – механика, постоянно унижающего своих учеников. Мастер отпускал своих учеников домой со словами: «Катитесь все к черту!.. Ослиное отродье!»¹⁸. И в ответ на оскорбление никто ничего не ответил: «Ученики бесшумно удалились»¹⁹, – пишет автор. Ничего не сказал и Олдшеттерхенд. Также Олдшеттерхенд является и учеником школы, которая также интерпретируется автором сугубо негативно. Вот слова Михаэля, характеризующие его учителя Магера: «Недавно я вместе с З-зайделем отправился з-за т-т-тетрадами. Зайдель получил я-я-яблоко, а я – п-пощечину, п-потому что в сочинении насажал ошибок. И тетради мне не позволил нести»²⁰. Детская обида глубоко засела в сердце Михаэля, но она не имеет выхода: ни в семье, ни в школе, ни в мастерской никто не может поддержать так нуждающегося в этом ребенка. И только «разбойникам» он может рассказать о своих переживаниях, ведь их объединяет совместная мечта. Попытка реализовать ее в настоящем оканчивается провалом – мальчишки пытаются поджечь город, совершают кражу – запасы еды для задуманного путешествия – все это мероприятие заканчивается судом и наказанием – общество пресекает любые попытки изменить сложившиеся устои. Остается только мечтать. И оставшись один, он в своих фантазиях рисовал совсем иную жизнь, неизвестную, но лучшую: «Всеми помыслами он рвался из ненавистного настоя-

¹⁶ Франк Л. Шайка разбойников // Франк Л. Шайка разбойников. Оксенфуртский мужской квартет. Из трех миллионов трое. М.: Худож. лит., 1980. С. 114.

¹⁷ Там же. С. 30.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 38.

щего в неведомое будущее...»²¹. Олдшеттерхенд всей душой желал осуществить свою мечту: «Когда-нибудь... я вернусь домой, вернусь незнакомым никому чужеземцем...»²², – говорит он.

В романе представлена ситуация, в которой связка человек–общество не работает, поэтому невозможен и диалог. Так же как и у Ницше, общество оценивается сугубо негативно, личностное становление связано непосредственно с противостоянием и погружением в себя. Вот Франк рисует портрет учителя Магера: «Вполне возможно, что город сделал господина Магера жестоким подлецом, некоей машиной для наказания. И он отыгрывается на учениках за то, что город и жизнь скрутили и омрачили его душу... Сам он совсем не виновен»²³, – говорит Незнакомец Олдшеттерхенду. И далее: «Каждый, овладевший искусством жить, чуть-чуть подлец»²⁴, – пишет Франк. Но Незнакомец, оправдав Магера, тут же опомнился: «”Стой!” – в ужасе закричал Незнакомец. – “Нет, нет, нет! Отомстите! Защищайтесь! Бейте его! Бамбуковой палкой по лицу! Пока он не свалится на пол!” – Испуганно наблюдал Незнакомец за Олдшеттерхендом, и когда заметил, что рот его вновь образовал жесткую линию, рассмеялся и заключил убедительным тоном: “Пусть вас не смущает то, что я наговорил о городе... Это я просто так наговорил. Пустая болтовня. Конечно, надо защищаться, надо схватить этого Магера за ухо и сказать: ”Господин Магер, вы подлец! Настоящий подлец, вот вы кто!”». Незнакомец поглядел на Олдшеттерхенда долгим пристальным взглядом, и когда тот, наконец, кивнул, кивнул ему в ответ»²⁵.

Уход в «свою пустыню» рисует Франк как реакцию на общественную несправедливость, но для него это вынужденный поступок человека, тогда как у Ницше такой уход есть то, что естественно присуще «благословленному духу». Переживания Михаэля насквозь пронизаны тоской по диалогу, тоской по пониманию. Отсутствие работающей связки человек–общество вынуждает отказаться от настоящего при иллюзорности будущего. Мечта, иллюзорная по своей сути, постоянно «подтачивается» обществом как избыточная. Поэтому диалог с «разбойниками» как единственно возможный для Олдшеттерхенда важен. И он чудовищно переживает «разрыв» с «разбойниками», которые постепенно все больше и больше погружаются в жизнь по принятым устоям. Он один все чаще и чаще противостоит окружающему его неподлинному существованию. Ярким поступком является его пробежка через мост по парапету: «Только Олдшеттерхенд остался на месте, повернувшись лицом к крепости. Неожиданно и он вскочил на парапет. Закрыв гла-

²¹ Франк Л. Указ. соч. С. 31.

²² Там же. С. 54.

²³ Там же. С. 179.

²⁴ Там же. С. 177.

²⁵ Там же. С. 179–180.

за... и помчался галопом. Прохожие, затаив дыхание, замерли в ужасе, разбойники пригнулись, готовые броситься на помощь, но из страха, что Олдшеттерхенд свалится в пучину, не осмеливались издать не единого звука, пока Олдшеттерхенд не добрался до них и не спрыгнул на мостовую живой и невредимый. Разбойники побледнели, словно Олдшеттерхенд вернулся к ним из загробного мира; и хотя опасность миновала, где-то в глубине души Олдшеттерхенда все еще шевелилось нечто неведомое, что не раз заставляло его искать смертельной опасности»²⁶. Рискованные поступки вскоре переходят в открытое противостояние; впервые на это Олдшеттерхенд отважился, когда учитель Магер порол Писаря. Михаэль сказал прямо в лицо учителю: «Господин учитель, я не стану его держать. – У него побелели губы»²⁷. Он был наказан, но этот момент в его жизни во многом был переломным – он смог открыто, в одиночку, противостоять тирану. Л. Франк дает подробное описание эмоций Михаэля после совершения этого поступка, и как итог этих переживаний звучат слова Олдшеттерхенда: «Теперь-то уж мы должны удирать. На Дикий Запад. Поджечь! Весь город! Хо-у! Прочь! Прочь отсюда!»²⁸. Но здесь последняя возможность диалога устраняется – после этого момента шайка начала распадаться: «Но разбойники ему не ответили»²⁹, – пишет Франк. Призыв Олдшеттерхенда был не понятен другим «разбойникам». С этого момента вступает в права чистая археология субъекта, в которой диалог в рамках Вюрцбурга уже невозможен. Без тени эмоций Михаэль Фиркант сказал мастеру Тритту при всех его учениках: «Я ухожу от вас!.. Сил моих нет терпеть»³⁰. Михаэль Фиркант один покидает Вюрцбург, к мечте – «стать кем-то»³¹. Но представляемой Ницше уединенной жизни в горах не получается. Он решает стать художником, знакомство с другими художниками помогает ему овладеть необходимой техникой для поступления в мюнхенскую Королевскую академию изобразительных искусств. И здесь опять актуализируется связка человек–общество, которая также остается разорванной. В среде художников Михаэль также встречается с тем, от чего бежал – с негативным давлением общества, с одной стороны, и невозможностью личностного существования в одиночестве, с другой. Так, например, описана в романе встреча Михаэля с одной художницей: «...она начала рассказывать о своей свободной жизни, о Христе и о Ницше, которых она считала единственно настоящими людьми. Чем-то они сродни ей, она тоже должна пострадать за человечество. Она рассказывала о своей семье, о том, что мать ее глупенькая

²⁶ Франк Л. Указ. соч. С. 67–68.

²⁷ Там же. С. 96.

²⁷ Там же. С. 116.

²⁸ Там же. С. 96.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 112.

³¹ Там же. С. 116.

обывательница, а отец – бесхарактерный, слабый человек: “Пойдемте ко мне в ателье. *Вы* понимаете меня. Я это чувствую. В вас я обрела человека. О да, Человека!”...»³². Изоляция от семьи и от «ненастоящих» людей сделала художницу ничтожной, в терминологии Ницше, неспособной к утверждению воли к власти, – пытаясь реализовать себя в социуме, она этот социум не принимает. В результате она все время пытается найти «настоящего человека», пытаясь выстроить некие критерии, доказывающие его существование. С учетом того, что археология субъекта делает доказательство существования другого избыточным, так как устремляет поиски источника самоутверждения в глубь самого субъекта, получается замкнутый круг. Для Михаэля уже эта психологическая проблема решена, для него встреченная художница является таким же продуктом негативного влияния общества, как и учитель Магер.

Но общество проявляется в жизни Михаэля с новой стороны: деньги, на которые он хотел выучиться, подошли к концу, и опять связка человек–общество расценивается Франком сугубо негативно: иллюстрацией этого является рассказ о двух художниках – один из которых застрелился, не выдержав жизненных испытаний, а другой предпочел зарабатывать деньги, рисуя дешевые открытки. И Олдшеттерхенд делает свой выбор: «Я никогда не буду рисовать свинок за рулем»³³, – говорит он. И этот выбор для него естественен – те ценности, которые он полагает как центр воли к власти, никак не согласуются со свинками за рулем. Но его ценности, которые он не может не полагать, так как их полагание для него естественно, приходят в противоречие с устоями общества. И в осознании полной разорванности связки человек–общество Олдшеттерхенд решает покончить жизнь самоубийством. «Ты трусил. Ты знаешь, что прав, но хнычешь, что люди, хоть и лжецы, тебя презирают, ибо без уважения этих лжецов не можешь жить»³⁴, – сказал «слабому Олдшеттерхенду» ставший Олдшеттерхендом Незнакомец.

«Когда-нибудь... я вернусь домой, вернусь незнакомым никому чужеземцем...»³⁵, – мечтал Олдшеттерхенд в детстве. Михаэль Фиркант застрелился. Когда хозяйка, услышавшая выстрел, прибежала посмотреть, что случилось, из его комнаты вышел Незнакомец. Он получает приз Михаэля Фирканта – первую премию Академии за картину по теме «Сказка» и уезжает назад в Вюрцбург, где заходит в таверну и садится за один стол с бывшими «разбойниками», которые не узнают в нем Олдшеттерхенда. На любом этапе личностного существования Михаэля между ним и Вюрцбургом, между ним и художниками и между ним и «разбойниками» пустота, причем пустота неустранимая. И в этой сцене [Незнакомец (неузнаваемый Олдшеттерхенд) за

³² Франк Л. Указ. соч. С. 172.

³³ Там же. С. 179.

³⁴ Там же. С. 215.

³⁵ Там же. С. 54.

одним столом с бывшими друзьями] выделяется еще один персонаж романа – это Тихоня, который также оказывается в трактире. В детские годы Тихоня был изгоем среди сверстников и всеми силами хотел заслужить их уважение. Он так же, как и Михаэль, покинул Вюрцбург и стал матросом. Повидав мир, он вернулся домой. И теперь «разбойники», даже не желавшие когда-то общаться с ним, наоборот, даже показали ему «залу» – место мальчишеских встреч. И главным моментом сцены за столом является тост Тихони в сторону Незнакомца: “Твое з-з-здоровье, Олдшеттерхенд!” – рявкнул матрос Незнакомцу³⁶. И в этот момент пустота отступает между Незнакомцем и Тихоней, но проявляется между Тихоней и «разбойниками», но не устраняется. Трактовать этот момент можно и как случайность – «разбойники» восприняли этот тост как бред пьяного, но и как закономерность – как новый вариант диалога личносно существующих «высших людей», которого так желал Ницше. Но разница между Михаэлем и Тихоней есть: если у первого связка человек–общество утеряна окончательно, то второй в рамках ее вполне успешен. И тогда слова Л. Франка, в которых формируется основная проблема романа, получают новую трактовку: «Размышляю над тем, почему один цветок опадает с дерева, так и не превратившись в плод, а другой, рядом с ним, вызревает без помех.... Над этим я размышляю непрестанно». Что значит «превратиться в плод»? Существовать личносно или существовать личносноно, находясь в диалоге. Ницше, скорее всего, склоняется ко второму варианту – стоит вспомнить желающего одарять и наделять Заратустру, но при разрыве связки человек–общество личносноное существование и существование в диалоге становятся часто несовместимыми. Утверждение воли к власти, естественная черта всего живого, по Ницше, приводит к гибели утверждающего, что позволяет усомниться в ее естественности.

Получено 14.01.2011

³⁶ Франк Л. Указ. соч. С. 224.